

На днях в Париже прошла презентация романа нашего постоянного автора и друга редакции «АН» Виктора Трифоновича Слипичука «Зинзивер», и французозаинтересовала его публицистика. Они предложили перевести на французский язык книгу «Восторг и горечь». Автор решил дополнить книгу новыми материалами, опубликованными в «Аргументах недели», и многими новыми своими мыслями. Для этого во время Международной книжной ярмарки интеллектуальной литературы non/fiction № 14 в Москве Виктор Трифонович заочно встречался с читателями и дал им своеобразное интервью через видеомост, которое мы публикуем на своих страницах.

Поколение биндюжников

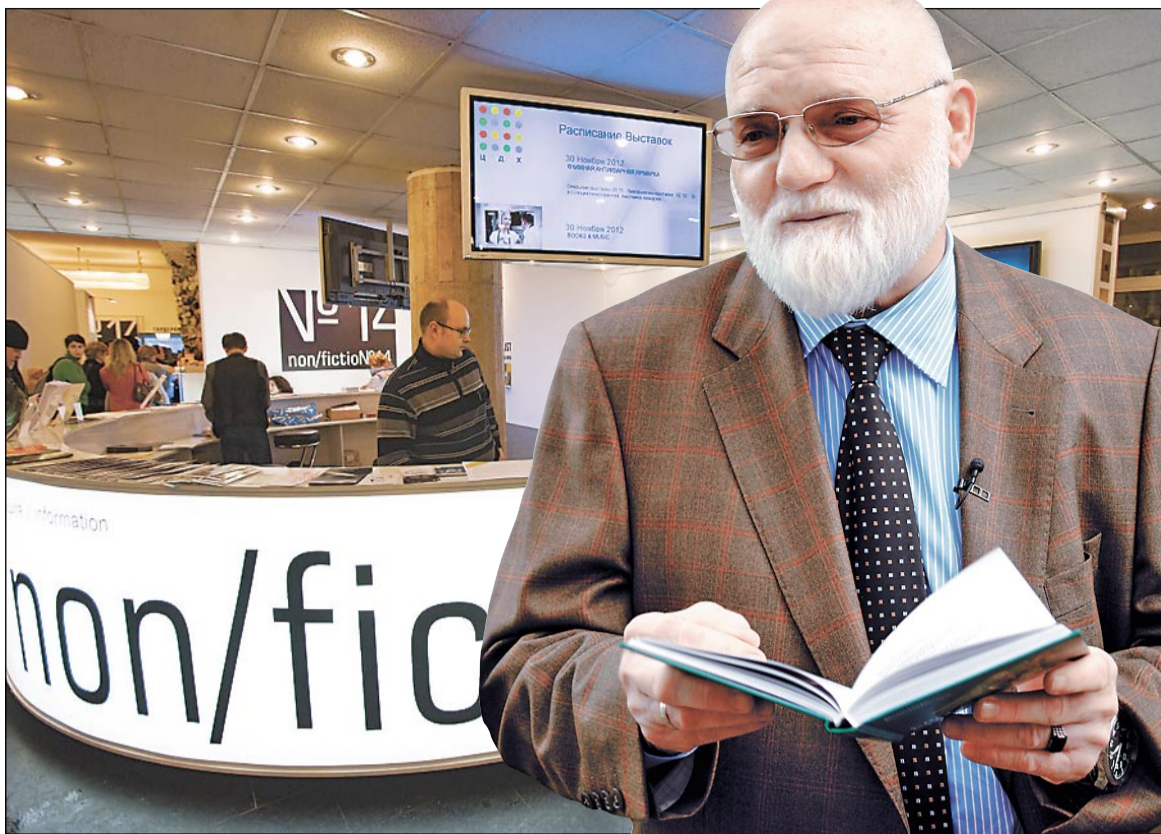
— Виктор Трифонович, когда вы пишете, вы представляете себе своего читателя? Какой он? (Инна)

— Как-то мне довелось выступать по телевидению на канале РБК. Был прямой эфир с подключением телезрителей по телефону.

И вот один из телезрителей расстроенно спросил: «Вообще-то писатели чувствуют, для кого они пишут?» Отвечая, поделился наблюдением. Летишь на самолёте и вдруг ловишь себя на мысли, что начинаешь шагать по земле, словно великан. Сейчас с одной горы ступил бы на другую, а здесь бы реку перешагнул. Так и писатель — если он чувствует свою силу и величину, то просто обязан писать для великанов. Вы, Инна, сформулировали вопрос по-другому. Представляю ли своего читателя, какой он?

Отвечу прямо — не всегда. И вот почему. В последнее время образ так называемого интеллектуального читателя очень искажился. То есть деградировал и, к сожалению, не без участия несовершенства нашего образования. Все эти перекосы с ЕГЭ, когда чиновники на местах, скрывая своё наплевательское отношение к образованию, выставляли выпускникам вверенных школ отличные, но не соответствующие действительности оценки, — ничего хорошего образу интеллектуального читателя не прибавили. Неучи поступали в престижные вузы. Сейчас они получили дипломы о высшем образовании и на своих свадьбах даже в Москве продолжают стрелять в воздух, словно только что упали с дерева или вылезли из охотничьей сторожки. Простите, какие-то не читатели даже, а биндюжники! Но по документам все они в большинстве с высшим или средним образованием, так сказать, современные бакалавры и магистры.

В незапамятные времена, когда мы бросились в рынок, существовала поговорка «Доллар, он и в Африке — доллар». Не знаю, как обстоит дело с долларом сейчас, но наш биндюжник ныне крепче доллара. В России со времён Октябрьской революции впервые заговорили о праве всех граждан на ношение огнестрельного оружия. Так что вполне могу представить своего читателя: чёрный, волосатый, читает

РУССКИЙ ОГОНЁК И НООСФЕРА

это моё интервью и скрипит зубами. В гневе машинально хватается то за кинжал на поясе, то за пистолет под мышкой. Или — читатель мой сидит в полиции. На улице стрельба, а он делает вид, что не слышит, мол, увлётся чтением нашего с вами интервью, а на самом деле аж вспотел от страха, боится носа показать. Вдруг там, в суматохе, дипломированные биндюжники безответственно в него пальнут?! Шучу, конечно, но представить своего читателя иногда весьма затруднительно. А когда не могу представить своего читателя, лично мне не пишется. Потом проходит какое-то время, помотришь на подобных вам, Инна, посещающих музеи, выставки, библиотеки. И вдохновение возвращается. И начинаешь понимать, что это же мы наплодили биндюжников, они наши, и нам никак нельзя от них отворачиваться. В конце концов даже медведь ушат. Сообща справимся.

— Здравствуйте, меня зовут Евгения. Сейчас много говорят о конце света. Что вы об этом думаете?

— Конечно, Евгения, можно отмахнуться и жить, как жили до этого. А можно приблизиться к объекту, вызывающему беспокойство. То есть собрать о нём как можно больше всевозможных сведений. Тем более что Интернет даёт такую возможность. Кстати, я так и поступил. И обнаружил, что только число 21 декабря не вызывает расхождений и признаётся всеми оракулами как день конца света, а дальше сведения весьма и весьма противоречивы. Как говорится, кто во что горазд.

Например, к сегодняшнему дню большинство предсказателей признали, что по календарю майя никакого конца света не предвидится — это обозначен конец календарного цикла и начало нового летоисчисления. Мы каждый год обзаводимся новыми календарями и не приходим в ужас. И здесь не надо ужасаться.

Совсем недавно прочёл прогноз некоего ламы (Оракула). Не знаю, то ли имя у него такое, то

ли псевдоним. Его прогноз мне даже понравился.

Потому что тьма хотя и падёт на нас, но ненадолго. Продлится всего три-четыре дня. Оракул предлагает на эти дни запастись водой, дровами и продуктами. Занавесить окна и не выходить на улицу, чтобы не потеряться, тьма падёт такая, что не видно будет своей руки. Правда, во тьме начнут вспыхивать какие-то огни, напоминающие хождения мертвецов, и некоторые люди начнут паниковать. Но зато потом люди станут духовно богаче и добрее.

Подобные прогнозы у меня стимулируют воображение. Иной раз возникает желание написать что-нибудь такое-эдакое. Во всяком случае, благодаря ламе (Оракулу) если что-то и произойдёт невероятное, я паниковать не буду, а просто занавешу окна и таким образом пересяжу конец света.

Для меня гораздо неприятнее, когда в Законодательном собрании РФ, где некоторые утверждают, что самый тупой депутат умнее среднего гражданина по стране, — предлагается за пропаганду конца света ловить и судить злоумышленников. Устраивать им внеочередную посадку. Чуть что — и уже ловить, гнობить. А что, нет других мер уберечь граждан от дурманящей пропаганды?

Например, пусть главы банков ВТБ, Сбербанка и других финансовых флагманов объявят, что с 21 по 25 декабря всем клиентам будут выдавать безвозмездные ссуды, особенно лысым. О, что тут начнётся — а почему только лысым? А почему не синеглазым? Люди вмиг позабудут о конце света. Это я к тому, что если на уме у власти только кнут, а пряника нет, то тогда и начинается выяснение — кто тупее, а кто острее. По мне тупой — он и в Африке тупой.

Стихи и музыка

— Здравствуйте, Виктор Трифонович, меня зовут Денис. Как у вас появилась идея создания романсов? Когда вы писали стихи, му-

зыка появлялась сама или это произошло позднее?

— Денис, случилось всего один раз, когда я писал стихи и появлялась музыка. Стихотворение это — «Свет времени». Позже я его вынес в заголовок своего первого и пока единственного сборника стихов. И здесь должен признаться, что не обладаю музыкальным слухом. Мне, как говорится, медведь на ухо наступил. Всегда и везде я воспринимал и воспринимал поэзию только как жанр литературы. И свои стихи, чтобы их положили на музыку и пели, никому не предлагал, и правило, не предлагаю. Знаю, что у меня не получится.

С романсами произошло так. Друг моего сына неожиданно прислал из Республики Бурятия романс на мои стихи. Прислал по электронной почте в исполнении Ольги Жигмитовой на музыку композитора Виктора Усовича. Я был потрясён — золотой голос!

А потом появились записи в исполнении Чингиса Раднаева и Игоря Лазарева. Моё участие во всём этом было номинальное, то есть почти никакое. Кажется, они попросили меня придумать название диску, вот и всё. Что касается стихов, композитор и исполнители проявили к ним высокое уважение (за что я им благодарен) — диск получился на славу. В нём есть что послушать. В Париже на презентации романа «Зинзивер» на французском языке десант из Бурятии произвёл неизгладимое впечатление, настоящий фурор. И это при том что парижскую публику практически невозможно удивить.

Критиков не слушаю

— Здравствуйте, меня зовут Евгения. Скажите, пожалуйста, как вы думаете, любой человек может стать писателем? Когда вы поняли, что ваше призвание — писать? И что ощутили, когда взяли в руки свою первую книгу?

— Евгения, на два первых ваших вопроса вы найдёте ответы в книге «Восторг и горечь» в мо-

ём интервью «Миссия человека — утверждение гармонии», которое готовилось для газеты «Вечерняя Москва». Сосредоточу внимание на третьем вопросе — что вы ощутили, когда взяли в руки свою первую книгу? Хороший вопрос, вызывает бурю чувств и вот почему. Книга прозы в 31 год для поэта (а я считал себя значительным поэтом) была, скажем так, утешительным призом. В мои годы надо было бы иметь книжку стихов, тем более что перед армией мне предлагали издать, но, как «значительный», я отказался. Счёл, что мне ещё рано. Решил, что издам после армии. А после армии мир в корне изменился. Политическая оттепель сменилась в высших кругах вначале застоьем, а потом застоём. Только через десять лет я взял в руки свою первую книжку и не стихов, а прозы. Конечно, был рад, книжка возвращала меня в круг писателей. Но омрачали жизнь препоны — те же, что и в поэзии.

Помню, пришёл из морей, примчался в Барнаул отметить выход книжки и всё такое. А жена показывает статью в краевой молодежной газете — «А король-то голый!». Ей эту газету «доброжелатели» на стол положили. А потом в журнале «Сибирские огни» статья критика из Пскова появилась. Они, маститые критики, приехали из Европы, оглядывали наши литературные пространства и попутно учили нас умразуму. Сибиряки были для них в некотором смысле азиатами. То есть далёкими от столбовой дороги европейской культуры.

Статья была очень большая, обзорная, о молодых писателях, публикующихся в альманахе «Алтай». Критик не поспешил и в своей статье весьма много места уделил моему творчеству. Цитировал, призывал, указывал, что мои рассказы являются не фактом литературы, а прекрасными иллюстрациями тому, как не надо писать. Он называл мои рассказы заготовками, которые в его интерпретации воспринимались неправильно отлитыми чугунными болванками. В те времена подобная критика являлась своеобразным шлагбаумом для автора. В общем, с первой книгой прозы я как писатель только-только начался, но меня уже закончили. И я вновь ушёл в моря.

— Здравствуйте, меня зовут Дарья. Мне очень нравятся ваши ранние рассказы. Я с нетерпением жду новых рассказов про Губкина. Скажите, продолжение будет?

— Очень жаль, что вас не было рядом со мной в то время (книжка «Освещённый минутой» вышла в свет в 1973 году), а то бы мы вместе скрутили этого критика из Пскова в бараний рог.

Действительно, те рассказы сегодня востребованы. После публикации в газете «Вечерняя Москва» двух неопубликованных рассказов я получил письма, свидетельствующие о том, что рассказы тех лет несколько не устарели и находят отклик у сегодняшнего читателя. Эти письма можно прочесть на моём сайте. Впрочем, не буду прибедняться, силу своих рассказов я и сам знал. И псковские, и московские критики не могли повлиять на меня. Они только портили настроение и усложняли жизнь. А ориентировался я не на них.

Продолжение на следующей стр.

РУССКИЙ ОГОНЁК

КАК-ТО ПРОЧЁЛ мою повесть «Смеющийся пупсик» дядя Яша Куш, родной мамин брат, тогда бригадир полеводческой бригады, и говорит:

— Знаешь, Витя, написано — согласен. Но и ты согласишься — писать надо жалче.

То есть дядя Яша говорил, что должно быть больше любви и не только в предмете, который изображаешь, но и в самом воздухе вокруг предмета.

Почему я вспомнил о повести «Смеющийся пупсик»? Я в неё ввёл несколько рассказов о Губкине.

А критики алтайские, псковские и московские, как уже говорил выше, лишь усложняли жизнь. Я их слушал, но не слышал. Потому, что по-другому писать не мог. А сейчас не могу писать, как писал прежде. Помните, как сказано в Первом послании апостола Павла к Коринфянам? «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое». (Пл. 13:11.) Переиздавать книжку «Освещённый минутой» не планирую, дополнил её неопубликованными рассказами тех лет и мечтаю издать в 4-томнике собрания сочинений, но когда это случится — одному Богу известно.

Подальше от «интеллектуалов»

— Здравствуйте, меня зовут Евгения, каково ваше мнение о Pussy Riot? Считаете их акцию политической или саморекламой?

— Здравствуйте, Женя! Вообще, если это акция, то она подразумевает действие, предпринимаемое для достижения какой-то цели. Мы уже привыкли, что резонансные действия готовятся либо властью, либо оппозицией. Но бывают случаи, когда и власть, и оппозиция отрешиваются от акции. Задумывалось одно, а в результате на поверку получился факт, компрометирующий и тех и других. Именно в таких случаях начинаются в массмедиа взаимные обвинения и власти, и оппозиции.

Так и произошло. А тут ещё по полной программе вмешались деятели культуры, крупнейшие звёзды мировой эстрады, адвокатуры. И у каждого своя задача — привлечь на свою сторону как можно больше людей. Меня тревожит ощущение, но я его никому не навязываю — все, кто ринулся в обсуждение действий группы Pussy Riot, примитивно решали задачу своей популярности. Это была ключевая задача. И она, как я понимаю, многими, рьяно ввязавшимися в обсуждение, до сих пор не решена.

Более того, некоторые наши весьма популярные деятели (не будем уточнять, в каких областях) вместо обречения, так сказать, мегапопулярности, на которую рассчитывали, стали катастрофически терять даже былую популярность. То есть за что боролись — на то напоролись. И не только потому, что в зависимости от их принадлежности власть или оппозиция старалась и будет стараться опускать их до уровня плинтуса, что вполне естественно. А потому, что проходит время, и со всех без исключения бедолаг, участвовавших словом и делом в этом неприглядном действе, снимаются с голов (слава богу, не

вместе с головами) так называемые балаклавы.

Слово «бедолага» я употребил потому, что сам едва не ввязался в катавасию. Хотел заступиться за нашу Богом данную нам Православную церковь. Невмоготу было слушать и читать со стороны воинствующих безбожников, кичащихся своим безбожием, что, дескать, это сама церковь подвигла группу Pussy Riot на столь безобразное действие.

Вот тут-то и пришлось основательно задуматься: так всё-таки кто идейный вдохновитель и организатор акции? И если власть и оппозиция отрешиваются — есть кто-то третий.

Третий, как правило, случайный, неизвестная фигура. И ничто не меняется. На дворе XXI век, цивилизация, а наши люди слушают-слушают, поначалу с благодарностью даже (третий как бы послан им свыше), внёс деньги — имеет право высказаться. А потом вдруг «вот тебе Бог, а вот порог». Почему, отчего?! Никак не поймут эти «третьи», что они в нашем обществе случайные. Мы можем с ними лишь соображать на троих.

Мысль о неизвестном третьем оказалась продуктивной тем, что удержала от участия в катавасии. Вдруг бросилось в глаза наше падение нравов. В начале XX ве-

В.Т. Слипиченчук благодарит «десант из Бурятии» в Париже: концертмейстер Дарима Линховоин, исполнители романсов Чингис Раднаев, Ольга Жигмитова, Игорь Лазарев, композитор Виктор Усович

дом Михаила Прохорова. Решил поучаствовать. Надо пошевелиться, привлечь к себе внимание, чтобы лучше раскупались твои книги. Да и слух прошёл, что сестра у Прохорова — интеллект. Не он, а она заправляет в фонде.

Пошевелился, отправил на конкурс две поэмы и два рассказа, свежие. Из фонда НОС сообще-

нам целомудрия в русской литературе».

Не только в шорт-лист, но и в лонг-лист не попал. Зайдите в Интернет, познакомьтесь с названиями произведений: «Карбид и амброзия», «Холера» и «Вопль вперёдсмотрящего». Кстати, после этого «Вопля...» меня осенило. Отдаю безвозмездно название романа конкурсантам премии НОС — «Выстрел в гроб».

Впрочем, это сейчас шучу, а тогда отвратно стало, что мечтал в этом НОСе или НОСу какую-то премию получить. Литератор, следующий традициям русской литературы, козульку у них получит. Вот уж пошевелился, так пошевелился! А тут приспело новое несколько даже избыточное в своей циничности событие. Журнал «Сноб» всё того же Михаила Прохорова присудил Pussy Riot премию «Сделано в России». За что? За лучший арт-проект. Ну что тут скажешь, скорее воскликнешь — о господи! И здесь интеллект! И побежишь от них куда глаза глядят.

В общем, под впечатлением нынешнего декаданса и фарса вокруг Pussy Riot, не имеющего никакого отношения к культуре, я написал стихотворение. 25 октября я прочитал его на презентации романа «Зинзивер» в Париже.

*Луна, луна, она видна
Сквозь лозы в листьях винограда.
Ночная лёгкая прохлада,
И ты — за столиком одна.*

*Одна-одна! Бежит волна,
И пенится морская кромка.
Как блоковская Незнакомка,
Ты в этот час всегда одна.*

*Да, декаданс иной сейчас,
И не в шелках ты, а в бикини.
Но волшебство округлых линий,
Как прежде, созидает нас.*

*О, Блок! О, даль! Шелка, вуаль.
Но что-то, видно, не сложилось,
И Незнакомка обнажилась,
Забыв про всякую мораль.*

*И всё же верю, убеждён,
Что к нам придёт преображенье —
Нас посетит воображенье
Из тех, из блоковских времён.*

*Луна, луна! Бокал вина,
Шелков изобранных котомка.
И блоковская Незнакомка
Сидит на паперти — пьяна!*

Разумеется, моё стихотворение не ответ Чемберлену, а всего лишь констатация факта всеобщего падения нравов. Торжество цинизма. Кстати, лавина зарубежных наград, сыплющихся со всех сторон на Pussy Riot, яркое тому свидетельство. Как просто всё, не надо никакого духовного усилия, чтобы стать знаменитым. Побольше необоснованных амбиций, цинизма и нахрапа — и ты уже в списке ста лучших мыслителей мира по версии журнала Foreign Policy. Фарс продолжается. Цинизм и ложь правят бал. В погоне за сенсацией обесценивается буквально всё. И не только у нас, посмотрите, что делается на Западе.

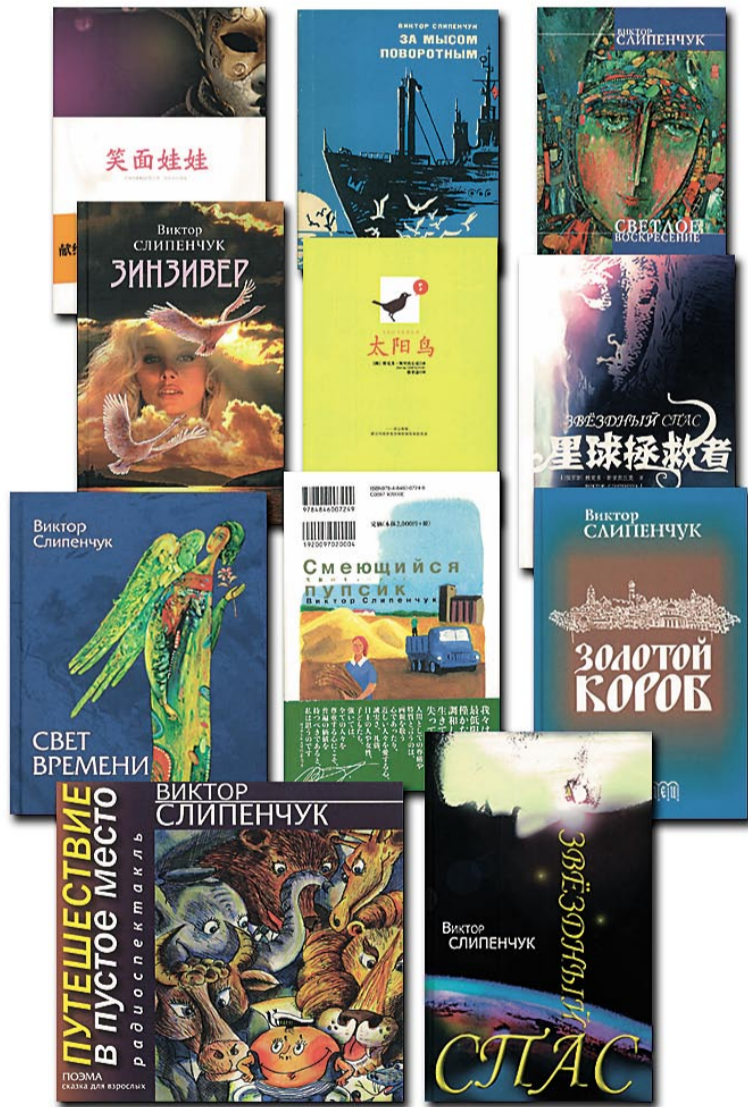
07.12.12. в массмедиа прошло сообщение, что британская медсестра Джасинта Салдана, работавшая в больнице имени короля Эдуарда VII, покончила с собой. Как сообщает Sky News: «Она была отличной медсестрой и пользовалась среди коллег всеобщим уважением и симпатией». Её цинично обманули. Двое австралийских ведущих радиостанции 2Day FM (уж не буду их называть) 4 декабря рано утром позвонили в больницу. Там лежала беременная герцогиня Кейт, супруга принца Уильяма. Звонок приняла Салдана. Ведущие представились королевой Великобритании Елизаветой II и её мужем принцем Филиппом. Уговорили медсестру связать их с палатой (Кейт спала). Распросили персонал о её здоровье. Узнали о токсикозе (герцогиню уже выписали из больницы) и раззвонили об этом по всему миру. Теперь лжекоролева и лжефиллипп извиняются: они не думали, что их соединят, во всяком случае, повесят трубку, услышав их акценты. Как это похоже на заявления группы Pussy Riot — мы не хотели оскорблять чувства верующих.

Впрочем, сказано достаточно. Вас, Евгения, наверное, интересует, как бороться с этим.

Бороться не просто, но и не так уж сложно. Не надо участвовать во лжи. Жить по правде. Поначалу будут насмешки, непонимание и даже оскорбления.

Помню случай на Высших литературных курсах. Отправили нас на плодово-овощную базу грузить картошку, лук, яблоки. В общем, что придётся.

Я попал на курсы в сорок лет, и после морей физическая рабо-

ка в пору декаданса, трактуемого во всех словарях периодом упадка и культурного регресса, Александр Блок написал свою знаменитую «Незнакомку». А теперь, через сто лет, посмотрите вокруг, что происходит с нами. Какой мы наблюдаем культурный взлёт?! И это в период практически общей Европы и практически общего рынка?

Вопрос отнюдь не праздный. Стал собирать информацию в Интернете и неожиданно набрёл на рекламу литературного конкурса НОС, объявленного фон-

ды, что произведения мои приняты на конкурс. И 21 сентября мне сообщат номер в шорт-листе. Демократы — демократично всё. Фамилия мэтра может вспугнуть высокое жюри, а под номером не узнаешь — кто, где и когда?

Думаю, как здорово, что пошевелился. 21 сентября большой праздник — День Рождества Богородицы, а 22-го мой день рождения. Почему-то был уверен, что премию получу. Пусть не первую, но вторую и не третью. А уж поощрительную — наверняка. Например, «За верность принци-

И НООСФЕРА

та меня не пугала. Интеллигент в первом поколении. И вот натаскался я мешков с картошкой. Сiju в тельняшке, распарился, вытираю пот. Ко мне подсаживается, держась за живот, Марсель Галлиев — писатель из Татарстана. И говорит так напевно: тебе хорошо — ты дурак. Кстати, талантливый парень (уже не парень, конечно, — муж). 6-томник собрания сочинений издал.

Когда Алексей Навальный объявил войну жуликам и вора́м, не увлекись он популизмом, он бы их, как в своё время Солженицын, подмял и победил. Не знаю, в чём конкретно была бы его победа. Но как человек, бросивший нравственный вызов расточительству, ханжеству, жульничеству — он бы победил. Впрочем, и то, что мы благодаря Алексею Навальному поняли, достойно всяческого уважения. Он наглядно показал, что для того, чтобы войти в новую, цивилизованную Россию, надо быть другими — честными. И надо каждому, повторяю, каждому начинать с себя. В деле обновления не может быть исключений.

Литература и «текст»

— Здравствуйте, меня зовут Светлана. Я узнала, что ваша книга вышла во Франции. Как вы думаете, будет она интересна молодым французам или более взрослому поколению? Спасибо.

— Мне тоже интересно знать, кому понравится моя книга. По моему, она ещё на складе. В любом случае надо подождать. Пока купят, пока прочтут. Сам же я имею суждения на этот счёт, исходя из отзывов наших российских читателей. Нашим читателям роман «Зинзивер» нравится, причём и молодёжи, и, как вы говорите, более взрослому поколению.

Французы, конечно, отличаются и от нас, и от немцев, и от англичан. И всё же у нас много общего. Стало быть, есть надежда, что «Зинзивер» воспримут, как говорится, и стар и млад. Многое зависит от перевода. Роман «Зинзивер» перевёл знаток русского языка, профессор Сорбонны Жерар Коньё.

— Меня зовут Ольга Проценко. В прошлом году у вас были публицистические тексты. А в этом — преимущественно поэтические и художественные. Можно ли ждать очерка на злобу дня?

— Здравствуйте, Оля. Придётся опять вспомнить ВЛК — Высшие литературные курсы. У нас на курсах были разные преподаватели. И среди них были такие, кого власть не жаловала. А мы приглашали, проректор ВЛК (поэт) шёл нам, слушателям курсов, навстречу. Приглашаем неугодно властям преподавателя на одну-две лекции, а потом продлеваем — ещё, ещё и так, пока преподаватель не прочтёт полный курс. И вот однажды во время лекции мы разговорились с одним из таких преподавателей и даже поспорили. Он был очень большим поклонником русского философа Алексея Фёдоровича Лосева — гиганта европейской мысли.

Вообще в советские времена его не жаловали — лагерь, строительство Беломор-Балтийского канала (он практически полностью потерял зрение, различал

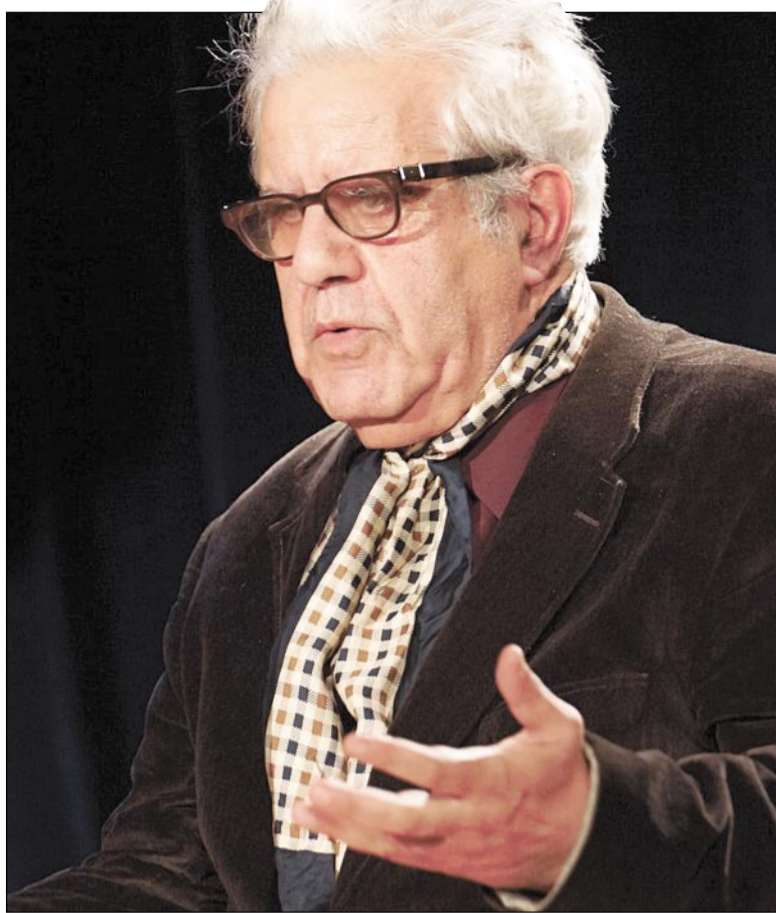

ФОТО А. МАРТИНА

Переводчик романа «Зинзивер», знаток русского языка, профессор Сорбонны Жерар Коньё

только свет и тьму). В пору моей молодости он был категорически запрещён. При режиме, отрицающем Бога, посмел сказать, что он — идеалист.

Мало кто знал о русском философе Лосеве, и сейчас мало знают, а я, как человек начитанный, знал. Меня одно время интересовали люди, которые рождаются и умирают в один день. Например, считается, что Уильям Шекспир родился 23 апреля 1564 года, а скончался в 1616-м — тоже 23 апреля. То есть выполнил человек свою миссию на земле и — ушёл. Народный писатель Белоруссии Василь Быков практически родился и умер в один день. Родился 19 июня 1924 года, а умер 22 июня 2003-го. Тут высшая справедливость внесла вполне объяснимую поправку для него как одного из лучших писателей, писавших о войне. Но не буду отвлекаться.

О философе Лосеве распространилось мнение, что он родился 24 мая. В день первоучителей славянских Кирилла и Мефодия — этот день празднуется как День славянской письменности. И я это держал во внимании, потому что как раз в это время Алексею Фёдоровичу Лосеву исполнилось ровно 90 лет. Наш преподаватель был поклонником Лосева — читал курс об античной литературе. И в азарте импровизированной полемики сослался на него как на писателя. У Лосева-писателя есть повести, рассказы, есть роман «Женщина-мыслитель» и другие произведения.

А теперь представьте себе нас, два десятка молодых голодных писателей, которым до всего есть дело и которые точно знают, что некоторые признанные писатели не по заслугам одарены шапкой Мономаха. И на встрече не преминут воспользоваться и укажут обласканному властью писателю, что не по Сеньке шапка. Словом, на встречу с нами некоторые не приходили. А придя, избегали читать свои произведения.

Было условие, если приглашённый писатель решится читать своё сочинение, то должен читать непременно неопубликованное, чтобы у нас была возможность высказаться по существу, не оглядываясь на публикацию, скажем, в газете «Правда», органе ЦК КПСС. В общем, многие признанные властью писатели, бывшие, как говорится, на слуху, отказывались приходить к нам. Владимир Фёдорович Тендряков после встречи с нами, слушателями ВЛК, был предельно лаконичен — «волки».

И вот этим «волкам» преподаватель зачитал небольшой отрывок из повести Лосева. Теперь уже не упомяну названия сочинения. О, что тут началось! Едкие замечания, уничижительные реплики и всё такое прочее. Преподаватель растерялся, покраснел и, сдерживая обиду, сказал:

— Не думал, что вы, писатели, услышите только *текст*.

И мы умолкли. В литературе существуют жанры: статья, очерк, эссе, рассказ, повесть, роман. Есть своеобразные зарисовки, которые трудно отнести к какому-либо жанру. И всё же о них нельзя говорить *текст*. Слово *текст* позаимствовано из латыни и означает — *связь, соединение*. Из соединённых слов образуется текст как жанр литературного произведения, обозначающего: ни то ни сё, а кукареку.

Отчего это происходит? От всеобщего снижения уровня образования. Кроме того, многие современные глянцевого журнала и журналы, обслуживающие компании и ведомства, ставят перед

собой задачи, скажем так, оповестительного свойства — проинформировать читателя о своей деятельности. Всё — точка.

Но короткая информация: что, где, когда — это одно, а текст на несколько страниц, в котором присутствуют элементы художественной прозы, это совсем другое. Он уже непроизвольно претендует на что-то большее — статью, очерк, рассказ. Но в редакциях подобных журналов в силу своей специфики избегают определять жанр.

Да и дело это не такое простое, как кажется. Определяя жанр, вы определяете не только направление: публицистика, художественная проза, документальная проза и так далее. Вы входите в иную область, на которую, не претендуя, всё-таки претендуете. То есть определяете конкретное место своей публикации в ряде рассказов, очерков, эссе и так далее.

Вы публично заявляете, по какому закону надо судить ваше произведение. Кстати, обозначить жанр весьма трудно даже профессиональному критику, съевшему собаку на этом деле. А уж корпоративному журналу, в котором главным редактором, как правило, и швец, и жнец, и на дуде игрец, и вовсе не стоит браться за это дело. Но вопрос отнюдь не праздный. Своё гениальное произведение в прозе «Мёртвые души» Н.В. Гоголь назвал поэмой. Проза и вдруг — поэма. А.С. Пушкин своё произведение в стихах «Евгений Онегин» обозначил романом. Ну прямо чудеса, да и только! Мы бы с нашим механическим пониманием жанра называли и то и другое произведение *текстом* — и успокоились. Что в принципе сейчас и происходит повсеместно. Однако планетарное значение русской литературы требуют от нас другого отношения.

Но вернусь к вопросу — можно ли ждать очерка на злобу дня? Я считаю, Оля, что наша беседа и есть самая настоящая злоба дня. Пусть не очерк, а интервью. В конце концов значение литературного произведения определяется не столько жанром, сколько актуальностью.

И ещё в заключение — великий русский философ Алексей Фёдорович Лосев скончался 24 мая 1988 года. Узнав, был потрясён. Но ещё большее потрясение испытал, когда обнаружил, что он родился не 24 мая 1893 года, а 22 сентября. То есть мы родились с ним в один день, правда, я несколько позже — в 1941-м. С тех пор не увлекаюсь магическими совпадениями дат, а если уж затеваю разговор на эту тему, жена сразу строго спрашивает — сколько? Всегда смело говорю — 250 грамм. И дальше уже нет никакого *текста*.

Ветры с Востока

— Здравствуйте, меня зовут Ольга. Меня всегда привлекала фигура Чингис-Хана. Я знаю, что вы к нему тоже обращались в своём творчестве. Как вы относитесь к нему? На ваш взгляд — это герой-завоеватель или прогрессивный мудрый лидер, объединяющий народы? Спасибо.

— Оля, пожалуйста, откройте сборник «Восторг и горечь». В самом начале интервью «Миссия человека — утверждение гармонии», во втором абзаце есть ключевые слова к нашему разговору. Запомним суть.

«Сколько раз бывало, читаешь чей-нибудь роман или повесть и

вдруг чувствуешь — автор любит поеть. В произведении нет ни слова о еде, а ощущение присутствия».

Когда я прочитал «Чингис-Хана», роман Василия Яна (настоящая фамилия Янчевецкий), он произвёл на меня ошеломляющее впечатление. Я взялся за поэму сразу, без всяких размышлений. Что-то такое открылось мне в романе В.Г. Яна, что возбудило желание понять Чингис-Хана как человека. И первые два четверостишия, которые пришли на ум:

*Видел Чань Чунь не Хана —
Из-под тяжёлых век
Глядел на него заблудший,
Издёрванный человек.*

*Сидел перед ним старик,
Обманутый тщеславием.
Но был он во всём велик —
Даже в своём бесславии.*

Когда написались эти стихи, я подумал: где я их могу применить? Сгорал от нетерпения найти им место в поэме. Откуда-то знал, что они непременно лягут на своё место — почувствую. Поэму писал быстро, знание истории, как это ни смешно, меня не отягощало. Полностью положился на Василия Григорьевича Яна как на историка. Мой ум и сердце были озабочены другим — когда, когда наконец придёт место двум первым четверостишиям. Уже первую главу написал, вторую и третью. Уже и четвертую вот-вот закончу. Уже духи Чингис-Хана мне самому не дают спать, а места четверостишиям всё нет. Не надо думать, что я писал поэму постепенно — шаг за шагом. По-разному получалось. Бывало, что метался по ней, как полководцы Чингис-Хана Джебе и Субэдэй — от океана до океана. То есть от начала поэмы — в конце. И обратно к началу и — в центр, к месту стоянки или остановки. И всякий раз из таких набегов то на реку Лету, то за философским камнем Дао обретал трофеи в виде четверостиший.

*Бегут, журчат года,
Полнеют воды Леты.
И с собой в никуда
Уносят наши рассветы.*

*Уносят бывлые мечты...
Года, как года, бегут.
И восковеют цветы,
Которые нам поднесут.*

И эти трофеи тоже требовали своего места в поэме. Почему об этом говорю? С первых же двух строк, что пришли в голову, я свяксы с мыслью, что Чингис-Хан прежде всего человек. Да — гениальный. Да — великий. Но прежде всего — человек, искавший покоя и мира.

Сегодняшнее время вносит свои коррективы в восприятие этой гигантской личности. Китайцы ему отдают должное как объединителю. Мы — в раздумье. Что такое монголо-татарское иго? Много загадок. Но мы уже воспринимаем Чингис-Хана не как варвара, а как основателя огромной мощной монгольской империи. Такие личности, как Александр Македонский, Юлий Цезарь, Чингис-Хан — это атланты, которые держат нашу человеческую историю на своих плечах.

Продолжение на следующей стр.

РУССКИЙ ОГОНЁК

—3 ДРАВСТВУЙТЕ, я Александра Чеканникова, журналист, газета «Первое сентября». А это Ася, моя дочка. Я хотела спросить: у вас, наверное, накопилось очень много впечатлений о Японии? Нет ли у вас в творческих планах написания книги об этой стране? Спасибо.

— Вы, Александра, правы, впечатлений и сведений о Японии накопилось много, но той живительной капли, которая окрашивает все впечатления и сведения в единое чувство, к сожалению, нет. И не надо думать, что капля, побуждающая к творчеству, обязательно связана с накоплением. Дескать, подождите, вот досконально разузнаю, что у них там с аварией на АЭС «Фукусима» или с притязаниями на так называемые северные территории, и тогда уж непременно засяду за книгу. За книгу о потрясающей стране Японии. О Японии, стране азиатско-европейцев. О Японии, Стране восходящего солнца. О Японии, стране великих самураев, державших в страхе весь Дальний Восток. Наконец, о Японии, стране таинственных ниндзя, растворяющихся в воздухе, подобно призракам.

А-а, вижу, заинтересовал — захватывает! Я и сам уже весь на взводе, но надо чуток подождать, дождаться живительной капли.

В таких рассказах особенно живописны перечисления, о чём будет книга. Но, возможно, что никакой книги не будет. Потому, что живительная капля посещает нас по какому-то высшему соизволению. Бывает так, что ещё никаких сведений нет, а живительная капля уже в душе и объект твоего интереса ни где-то там за горами, а виден и вполне различим, и движется, движется к тебе сам. И он всё ближе и ближе. Не знаю, буду писать или нет, но в любом случае всегда помню о замечательной книге о Японии Всеволода Владимировича Овчинникова — «Ветки сакуры».

Помню публикацию её глав в «Новом мире» Твардовского. И радость чтения, чтения великолепной документальной прозы. Вообще, помышлять о книге о Японии после «Ветки сакуры» Овчинникова — большая смелость. И я не помышлял. Путешествуя с женой по Японии, наслаждался жизнью — никаких записей не вёл.

Конечно, идёт время, меняется, скажем так, техническая оснащённость, окружающая японца, но его менталитет менее подвержен изменениям. Разумеется, и он меняется. Великий французский писатель Стендаль как-то заметил, что при сравнении жителей одной и той же страны, но из разных эпох, обнаруживается гораздо больше различий, чем при сравнении его с соседями, жителями другой страны и другой национальности.

Я вот всё думаю, почему вы задали вопрос именно о Японии, мне довелось побывать во многих странах. Может быть, потому, что я как-то обмолвился о недавней закрытости этой страны. О том, что в музеях к нам подбегали школьники с тетрадками и задавали именно нам, иностранцам, всевозможные вопросы. Тогда гид пояснила, что вот уже два года, как японским школьникам разрешили обращаться к иностранцам. Мы были в Японии в 2007 году.

Никаких планов о книге о Японии нет. Да и не строю я уже никаких планов.

Пророка нет в Отечестве своём

— Здравствуйте, меня зовут Гаврилюк Диана, и я хотела бы спросить, что чувствует писатель, когда его книгу переводят на другой язык? И можно ли сказать, что таким образом он представляет Россию перед иностранным читателем?

— Очень хороший вопрос, философский. Когда Господь Иисус Христос вошёл в свой родной город Назарет, он там очень мало сотворил чудес исцеления, исцелил только некоторых больных. Потому, что жители смотрели на него не как на Сына Божьего, а как на сына плотника. Объясняя ученикам-апостолам причину случившегося, Иисус Христос сказал:

нет пророка в своём Отечестве. Первая моя книжка в переводе на другой язык была издана в Японии — «Смеющийся пупсик». В ней под одной обложкой собраны произведения и на русском, и на японском языке. (Почему-то до сих пор не избавлюсь от ощущения, что произведения переведены на японский язык недостаточно хорошо.) Во всяком случае, есть места в русских текстах (к сожалению, по-японски не читаю), в которых пропущены не только предложения, а целые абзацы. Возможно, отсюда и негативные ощущения — бог весть!

Перед презентацией (мы с женой вернулись с острова Хоккайдо) был официальный ужин, собрался довольно обширный круг людей. Японцы спросили — что значит для меня перевод моих произведений на иностранный язык? При переводе, даже самом совершенном, утрачивается нечто присущее только языку оригинала. С истиной не поспоришь, попадающие точное — не в бровь, а в глаз.

Говорю: хочу привлечь внимание читателя к своим сочинениям на родине, в России. Не знаю, как у вас, в Японии, а у нас утвердилось мнение, если писателя печатают за рубежом, то, стало быть, писатель стоящий — надо купить его книжку, почитать. Для меня издание произведения за рубежом — прямой путь к сердцу российского читателя.

Некоторое молчание возникло, а потом все враз заговорили, что и у них в Японии точно так же. Ду-

маю, не ошибусь, если предположу, что везде так.

Посмотрите, что происходит в Китае. Недавно присудили Нобелевскую премию китайскому писателю Мо Яню (псевдоним, настоящее имя Гуань Моэ). Ладно, у нас его не знали и не издавали. Но и в Китае он был известен широкому кругу читателей только одной повестью — «Красный гаолян». А между тем у него с 1985 года опубликовано одиннадцать романов и двести повестей и рассказов. Это сейчас, буквально с присуждением Нобелевской премии, его произведения стали издавать миллионными тиражами.

Как ни крути, увы, нет пророка в своём Отечестве. Когда всё это понимаешь, относишься ко всему философски. Ценишь зарубежное издание, как осуществление, может быть, мнимое, тво-

их тщеславных притязаний. Притязаний на российского читателя. Во всяком случае, у меня именно так. Иностранного читателя — это как подарок свыше. Но сам по себе он не приходит, а только вслед за российским читателем. Поэтому и качество перевода для меня, как правило, отодвигается на второй план. Одним словом, чувствую удовлетворение.

И следующий вопрос — можно ли сказать, что таким образом (издав книгу на иностранном языке) писатель представляет Россию перед иностранным читателем? Можно сказать всё что угодно. Но будет ли сказанное правдой?

В 1974 году мы (команда СБМР «Давыдов») стояли на ремонте в малом доке в Сингапуре. К нам приходил, кажется, второй секретарь из посольства, беседовал в столовой команды с моряками, чтобы они вели себя аккуратней. Попросту говоря, не воровали джинсы в супермаркетах. Рассказал, что трёх наших матросов с рыболовной плавбазы «Владивосток» поймали с поличным. Обманулись матросы, решили, что по какой-то случайности продавцов в магазине нет, отсутствуют. Набили шмотками спортивные сумки — и к выходу, а их там уже ждут. Здравствуйте, милости просим, проходите, проходите в наш воронки!

В те времена о потайных телекамерах в магазинах мы представления не имели. В общем, лишили матросов визы и первым же рейсом отправили на самолёте домой.

Я своими ушами слышал, как второй секретарь, распаяясь, возмутился: как так можно, опозорили всю страну, весь Советский Союз, бросили несмыслимую тень на советского человека, на всех советских людей! В общем, международный скандал.

Кстати, мы все были согласны с секретарём из посольства. Я и сейчас согласен. И даже больше могу сказать: эти три матроса из сибирской глубинки бросили несмысливаемую тень не только на советского человека, а на всё прогрессивное человечество!

Согласитесь, трудно возразить. И всё же любой здравомыслящий человек заметит, что страна здесь ни при чём. Отождествлять страну и что-то единичное, даже пусть из ряда вон выходящее, — некорректно. Всякий, кто выступает от

пропадала все, а передавалась из уст в уста. Склонность к поэтическому слову для меня служит своеобразной подсказкой в понимании того или иного автора. Почти все крупные прозаики — и русские, и зарубежные — начинали со стихов. Вот такая запоминающаяся метка, родинка (смею предположить) — на право заниматься художественной литературой. Разумеется, есть и очень яркие исключения, которые лишь подтверждают истину. В книге «Восторг и горечь», Лена, много суждений на эту тему. Суждений, ни на что не претендующих, мимолётных, так сказать, к слову.

— Здравствуйте, меня зовут Владимир, это мой сын Егор. Мы хотели задать вопрос: в последней публикации в «Аргументах недели» (рассказ «Термин «Никор») помещена ваша фотография, сделанная в Алтайском крае. Нельзя не сравнить вас и героя из рассказа. Это происходило всё на самом деле? Спасибо.

— Да, это происходило на самом деле. Рассказ полностью документальный. Все имена и фамилии сохранены. Там вымышленная фамилия только у рассказчика, то есть у меня. И на этом можно было бы поставить точку, но немного расширю ответ. И вот почему.

В беседах с журналистами, Владимир, ваш вопрос почти всегда присутствует. К сожалению, сейчас много людей, особенно среди так называемых телевизионных мэтров, которые, не зная предмета, тем не менее с глубокомысленным видом судят о нём и даже сердятся, когда не считаются с их мнением.

Впервые я столкнулся с подобными суждениями после публикации «Зинзивера» в издательстве «Вагриус». Вначале я читал критические статьи и смеялся. Они были в духе того, что говорил Андрей Платонов замечательному мемуаристу Льву Славину: «Знаете, если бы это было написано ещё немножко хуже, это было бы совсем хорошо».

Мне повезло больше, чем Андрею Платонову, статьи были написаны так плохо, что дальше уже некуда! Чувствовалось, что критики не только не заглядывали в роман, а в глаза его не видели. «Ваш главный герой много курит. Чрезмерно много. Наделав героя дурной привычкой, вы хотели подчеркнуть мужественность его творческой натуры?» «Но главный герой не курит, покуривает его возлюбленная». «Так это она подчёркивает свою мужественность, а он что — гей?»

Немудрено, что на этом фоне встреча с журналистом газеты «Алтайская правда» не могла не запомниться. В числе вопросов был вопрос и в вашем ключе. Об автобиографичности романа — как можно писать роман о любви в столь почтенном возрасте? (Мне тогда стукнуло шестьдесят.) Подобный вопрос звучал и на недавней презентации «Зинзивера» в Париже. И всюду ответ у меня один — романы о любви и вообще все сочинения пишутся не сидениями, а душой. А душа наша всегда молода. В этом величие души, подаренной нам Богом. И, конечно, трагедия человека, вдруг однажды почувствовавшего, что наше

Не зная предмета

— Добрый день! Меня зовут Лена. Чем вы сейчас занимаетесь и часто ли пишете стихи? Спасибо.

— Здравствуйте, Лена. Стихи пишу нечасто. Можно даже сказать — редко, но когда они приходят — всё отбрасываю и пишу стихи. На мой взгляд, поэзия — это самый естественный жанр художественной литературы. Были времена, когда люди не умели писать и поэзия приходила на помощь. Стихи лучше запоминались, и человеческая мудрость не

И НООСФЕРА

Читатели задают видеовопросы В.Т. Слипичу

тело — своего рода заграничный паспорт. Погостим и — домой.

Планетарное братство

— Здравствуйте, меня зовут Максим Кравчинский, я журналист и телеведущий. Вопрос к писателю: кем вы зачитывались в молодости? Кто сегодня ваш любимый писатель и поэт? И какую литературу вы предпочитаете читать сегодня: художественную или мемуарную — биографическую?

— В молодости зачитывался Джеком Лондоном, а его «Мартин Иден» до сих пор сидит во мне. В книге «Восторг и горечь» достаточно сказано об этом и о многом другом, в том числе и о том, о чём вы спрашиваете. Повторяться не буду, скажу вот о чём. Так получилось, что за свою жизнь я прочитал много книг. Думаю, на университетском уровне знаком с художественной литературой не только нашей, но и всемирной. И вот что бросилось в глаза, читая художественную литературу всех времён и народов: человек сегодня ещё только на 10 процентов человек, а на 90, скажем так, ещё закуска. Закуска, в которой преобладают животные инстинкты. В Евангелии говорится: «Любовь никогда не перестаёт, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем...» (1 Кор. Гл. 13:8–10.)

Когда человек на 100 процентов станет Человеком, тогда, как мне кажется, языки и умолкнут, и знание упразднится. Человек будет совершенен. И родиться будет не только под солнцем, но и под сенью ноосферы, которая заменит ему сегодняшнее фурсенско-ливановское образование. Или вы, Максим, сомневаетесь? Во всяком случае, великий русский учёный Вернадский не сомневался и утверждал, что переход биосферы в ноосферу неизбежен. И эту точку зрения в некотором смысле ему подсказали французские учёные, математик Эдуард Леруа и геолог Тейяр де Шарден, которые трактовали её как «мыслящую» оболочку.

И ещё, как писатель — писателю, за чтением книг вдруг осознал, как нас мало. В планетарном значении нас, писателей, нет, но мы есть и мы одно целое. И это чувство мне подарил Антуан де Сент-Экзюпери. Тогда, лёжа

на сене (уже не упомяну, в каком классе), я читал его книгу «Планета людей». Книга настолько нравилась и настолько захватила (я вырос возле военного аэродрома), что я испугался, что прочту её за один присест. И меня вдруг озарило, что сейчас кто-то такой же, как я, читает какую-то другую книгу, и она ему тоже нравится, и он не знает, что будет делать, потому что такого хорошего писателя больше нет. Наверное, писатели сообщаются между собой как братья. Планетарное братство — должно же оно с кого-то начинаться?!

Нетипичный писатель

— Здравствуйте, меня зовут Ольга и у меня такой вопрос: ваши книги переводят на другие языки. Как вам кажется, за границей популярными становятся те писатели, которые пишут на наднациональные темы, или те, кому свойственен яркий русский колорит? И к какому типу писателя вы себя относите?

— Здравствуйте, Оля! Мне представляется, что вы не совсем точно использовали слово «наднациональный». Наверняка вас смущили синонимы — международный, интернациональный. Наднациональным может быть какой-то союз, объединение людей. Обычно используют это слово, когда говорят о церкви. О том, что она приемлет в своё лоно людей разных национальностей. Церковь наднациональна.

А в вашем случае надо сосредоточить внимание на понятии общечеловеческого. Кстати, главный герой романа «Зинзивер» Митя Слёзкин задумывается, что первостепенно: общечеловеческое или национальное? Этот вопрос не так прост. В 1880 году в знаменитой «Пушкинской речи» Фёдор Михайлович Достоевский подвергнул глубочайшему анализу творчество нашего гениального поэта. Он как бы открыл вечный закон, по которому происходит международное признание того или иного писателя. И я не хочу вас обижать, Оля, но этот закон международного признания представляется мне более важным, чем определение зарубежной популярности. Популярность бывает однодневной. Она подвержена моде. Она своего рода шелест листьев, захваченных дуновением ветерка. Шум. Ино-

гда в этом шуме кто-то умудряется увидеть грандиозное дерево. Его ствол, ветви и даже корни. Но проходит мода, исчезает ветерок, а вместе — шум. И нет никакого дерева. Только в ушах ещё некоторое время стоит какое-то подобие звона, но и он довольно скоро рассеивается.

Признание не подвержено моде, и оно неотъемлемо от национального. Закон, на который указал Достоевский, в том и заключается, что как только писателю удалось в произведении выразить национальную суть характера, так он в тот момент как раз через национальное и выразил общечеловеческое. Нельзя, минуя национальное, обрести общечеловеческое. Нельзя ставить телегу впереди лошади. Теперь, когда мы это знаем, вопрос — к какому типу писателей я себя отношу — в принципе не актуален.

Правда, слово «тип» вызывает бурю чувств. В советские времена лошадь довольно часто ставилась впереди телеги. Но писать об этом — боже упаси, не дозволялось. Писать — значило типизировать. Чуть зацепишь устоявшуюся глупость, и уже в издательстве настороженность. А в горьком грозный окрик — вы что типизируете? У меня есть стихотворение из тех времён «Слово о нетипичных».

*Наверно, что-нибудь про Русь
Я напишу, когда напиюсь.
Когда не надо будет думать,
Типичен я или мой сосед,
Что по ночам ворует свет.*

В этом смысле задумывался, к какому типу писателей отношусь, и могу сказать определённо — к нетипичным.

Полезен даже бесполезный опыт

— Здравствуйте, меня зовут Андрей. У меня есть один вопрос: как вам удалось сменить столько профессий? Вы хотели быть моряком и геологом. Скажите, помогло ли это вам в творчестве?

— Здравствуйте, Андрей. Всё-таки у вас не один, а два вопроса. Конечно, на них можно ответить односложно. Вот вы говорите — как вам удалось сменить столько профессий? Вы хотели быть моряком и геологом. Почему хотел? Я им был. Вам удалось сменить столько профессий. Почему удалось? Всё было очень просто в со-

гласии с трудовым законодательством — заявление *по собственному желанию* на стол директору и через две недели — свободен. Свободен, подобно птице, лети на все четыре стороны. Никто слова не скажет.

Помогло ли это в творчестве? Да, помогло. Я не могу писать книги из книг. Некоторые умеют, я — нет. Вот и весь ответ.

Я был журналистом, моряком, рыбоводом, геологоразведчиком. Какая из профессий оставила наибольший отпечаток? Вы можете прочесть ответ в книге «Восторг и горечь».

Кстати, вы там прочтёте, что я ещё служил в армии и работал зоотехником по овцеводству.

Впрочем, на работе зоотехника основательно, потому что уход с работы крайгосплемстанции был не так-то прост. За семь лет работы я издал книжку по овцеводству. Исполнял обязанности главного овцевода станции, и увольнять меня не хотели. А я писал стихи, и выступал с ними, и мечтал стать журналистом. И как-то так произошло, что на одном из выступлений меня заметили. В крайисполкоме заметили и удивились: поэт-зоотехник — это что, новый Сергей Чекмарёв?

Для вас фамилия Чекмарёв ничего не говорит, а он родился, между прочим, в Москве и в Башкирию поехал работать зоотехником. Там 11 мая 1933 года его мёртвое тело вытащили из реки. В 23 года не стало парнишки. Но остались его пламенные стихи и письма. Которые спустя двадцать три года были изданы — и имя Сергея Чекмарёва узнала вся страна. Его хорошо знают поэты-шестидесятники. Впрочем, в Алтайском крайисполкоме ошиблись. Сравнить меня с Чекмарёвым было нельзя. Я уже вошёл в лермонтовский возраст и, конечно, переживал.

27 лет, а я не имею ни книжки, ничего. Мне казалось, что если я буду работать журналистом, то смогу чаще печататься и издательство опубликует книгу моих стихов. Забегая вперёд, скажу, что моим мечтам не суждено было сбыться.

А вот в журналисты меня взяли, причём штамп стоит в *трудоувои*, в один день уволили из крайгосплемстанции и в тот же день приняли на работу на Барнаульскую телестудию. Причём приняли старшим редактором. Председатель Алтайского крайисполкома топнул ногой — и моментом оформили. А топнул потому, что в редакции «Земля Алтайская» прошла лажа, компрометирующая алтайскую тонкорунную овцу. Обозвали её курдючной и ещё что-то вопиющее ей приписали. И алтайское краевое начальство за овцу заступилось. Овца-то не простая, а золотая — алтайская тонкорунная.

Для писателя любой опыт полезен даже своей бесполезностью.

Мир на женских плечах

— Крылова Инна Юрьевна. Добрый день! Мне кажется, что в ваших произведениях женский образ всегда сильнее, мудрее и цельнее мужских (это и «Похоронка», и «День возвращения»). Это очень сильный, но при этом трогательный образ женщины-матери, подруги. Как вы думаете, мир держится на женских плечах?

— Инна Юрьевна, ваш вопрос очень глубокий. И я бы не стал делать столь серьёзные выводы, опираясь только на чьи-то рассказы. В том числе и на мои, здесь требуется более обширное привлечение материалов, причём из разных областей знаний. А так — вы как бы поймали меня за руку. Твои рассказы? — Мои. Рассказывал в них про Марию Вострикову и Татьяну Бойко? — Рассказывал. Как вы думаете, мир держится на женских плечах? — Но я не думал, что кто-то, в том числе и вы, положит их характеры в копилку фактов, чтобы уже самим вопросом воздействовать на ответ. Во всяком случае, на мой.

Конечно, вы можете сказать: все мужчины одинаковые, когда поставишь перед фактом, сразу отпираются, норовят спрятаться в кусты. Вы же писали про стойких женщин, которые крепки, как булатная сталь, которых жизнь не может согнуть, которых она может лишь сломать.

Да, Инна Юрьевна, писал. И что интересно, и в данном случае, и в подобных, у других авторов, чем сильнее рассказ и образ женщины в нём, тем убедительней мысль, что мир держится именно на женских плечах. И если я другого мнения, а я — другого, то я своими рассказами, образно говоря, как бы перебиваю ноги своему другому мнению. И это сплошь и рядом.

У нас в Крыму есть хорошие знакомые: Александр и Лариса. Он фермер, но в нашем охотсоюзе по совместительству ещё и егеря. Охота, охотничьи ружья, охотничьи собаки — всё это его сфера. Основная охота у нас — на диких гусей и уток. Александр, когда идёт на охоту, иногда спрашивает у Ларисы: собаку брать? Лариса на какое-то мгновение задумывается и отрезает — бери. Или — нет, не бери. Потом бывает случаи, когда, придя с охоты, он упрекает её — зачем ты сказала брать собаку, она только мешала мне! Но такие случаи редки — Александр удачливый охотник.

Исходя из примера, можно заключить, что Лариса очень хорошо разбирается и в охоте, и в охотничьих собаках. Поверьте — полнейший ноль. Тем не менее, глядя на них, можно сделать вывод, что всё держится на Ларисиных плечах. Уже до того дошло, что на охоту идёт и спрашивает: собаку брать? А на самом деле всё категорически не так. Постарайтесь сами ответить, в чём тут дело.

Некоторые боятся преклонных лет. А по мне — было бы здоровье. Более того, с годами накапливаются интересные факты, а факты, как мы знаем, упрямая вещь, диктуют свою логику. Недавно, буквально на днях, я уже говорил об этом, у меня прошла презентация романа «Зинзивер» в Париже.

Не устаю повторять: Париж — гостиния многих народов, скажешь шёпотом, а слышно на всю Европу. После презентации вдруг узнаю, что «Зинзивер» написан под влиянием Пюстава Флобера. Ну ладно бы только под влиянием Флобера — великий классик мировой литературы. Указывается точный адрес — главный герой романа «Зинзивер» Митя Слёзкин переключается с Фредериком Моро, героем романа «Воспитание чувств» Флобера.

Продолжение на следующей стр.

РУССКИЙ ОГОНЁК И НООСФЕРА

Окончание.
Начало на стр. 23

НО Я НЕ ЧИТАЛ «Воспитание чувств». Так получилось, что хотя и много читал в молодости, но бессистемно. Впрочем, роман Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» не только читал в студенчестве — он запомнился. Роман стоит у меня на книжной полке в Крыму — восхищают характеристики персонажей. Как правило, сказанные автором походя, как бы от нечего делать, которые вдруг превращают сказанное в великую прозу, не требующую доказательств.

Народный писатель Белоруссии Василь Быков, в моём понимании один из лучших писателей о солдатской войне (была ещё война генералов), сравнивал «Зинзивер» с романами о любви Эриха Марии Ремарка, которыми он зачитывался после войны. (Василь Быков ушёл на войну в 18 лет — добровольно.)

У меня есть рассказ «Сладкое шампанское» (1971), о котором говорят, что он написан под влиянием повести «Старик и море» Хемингуэя. В книге «Восторг и горечь» говорю об этом и об ауре писателя, которая есть, которая существует, и тут нет никакой мистики.

Итак, Гюставу Флоберу — да! Но, к своему стыду, «Воспитание чувств» — не читал. Эрнесту Хемингуэю — да! Но его повесть «Старик и море» — не читал, то есть прочёл позже, когда написал свой рассказ «Сладкое шампанское». И если кто-то улавливает своеобразную переключку героев, то здесь явно не обошлось без влияния «мыслящей» оболочки. Моим героиням рассказов и всем рассказам на земле, воспевающим женщину-мать, женщину-подругу, — да! Но утверждению, что мир держится на женских плечах, — нет! И ещё раз — нет!

Книга «Восторг и горечь» делится на две части, и первая её часть называется «Миссия человека — утверждение гармонии». В ней мой главный посыл — мир стремится не к хаосу, а к равновесию. В советские времена все киноленты «Мосфильма» начинались со знаменитой скульптуры Веры Игнатьевны Мухиной «Рабочий и колхозница». Мне эта скульптура очень нравится. Впервые она просияла в 1937 году, в Париже на Всемирной выставке. Скульптурная группа получила большую золотую медаль Гран-при. Не думаю, что в основе Всемирного признания скульптуры «Рабочий и колхозница» была идеология СССР. Нет, конечно. В основе её признания — идеология равенства труда, которое олицетворяют женщина и мужчина, держащие серп и молот. Моё мнение, Инна Юрьевна, и, наверное, я его не изменю никогда — мир лежит поровну и на женских, и на мужских плечах. Так было и так будет всегда, пока жив человек.

У Леонида Мерзликина, алтайского поэта, ныне почившего, есть стихотворение «Серп и молот». Очевидно, написал, созерцая скульптуру, — воспринял движение её ауры. Или движение «мыслящей» оболочки — считайте, как хотите. В стихотворении

есть две строчки, которые в соответствии со своей идеологией помню всегда.

*Никогда не искрошится молот,
Не источится серп золотой.*

За всё добро расплатимся добром

— Здравствуйте, Виктор Трифонович, меня зовут Наталья Рубцова. У меня к вам следующий вопрос: насколько я знаю, ваш сын — известный учёный, эколог, поли-

тический деятель, вообще замечательный и интересный человек. Скажите, пожалуйста, как вам удалось воспитать такого сына, в чём секрет воспитания? И второе — есть ли у вас внуки и уделяете ли вы их воспитанию такое же внимание, как и воспитанию сына?

— Наташа, вы, наверное, знаете, что являетесь однофамилицей замечательного русского поэта Николая Рубцова, к сожалению, очень рано и трагически ушедшего из жизни. Его стихотворение «Русский огонёк» начинается так — цитирую по памяти.

*Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня леса оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо тёмное, без звёзд.*

Как это характерно для вологодского севера и Сибири. Знаю, что Москва завалило снегом, а мы с женой во Франции, в Канах. Ждём приезда переводчика Жерара Конье (перевёл на французский язык роман «Зинзивер»). Заслуженный преподаватель русской литературы Университета Нанси-2), истинного француза и знатока русской литературы. Жерар настроен перевести на французский язык книгу «Восторг и горечь». И я хочу её дополнить, в том числе интервью с читателями, то есть ответами на ваши видевопросы.

Середина декабря. Полдень. На дворе на солнце +15 градусов, в тени +10. Аборигены жалуются — совсем зима наступила, холодно. Мы с женой молчим, киваем головами, а сами знаем, что на Алтае сейчас от мороза лопаются отопительные батареи. (Видели по телевизору — мы на Алтае прожили 23 года добровольно.) Сочувствуем французам, а о себе ни слова — не хотим пугать.

Кстати, поэт Леонид Мерзликин, которого упоминал выше, и Николай Рубцов, учась в Литературном институте, делили между собой пальму первенства — кто из них лучше как поэт?! Делить — делили, но избегали публичных оценок. В мире достаточно примеров на этот счёт — например, соперничество двух величайших композиторов Джузеппе Верди и Рихарда Вагнера. Осталось свидетельство, что Вагнер, всегда красноречивый и щедрый на нелестные отзывы о других композиторах, прослушав реквием Джузеппе Верди, сказал: «Лучше ниче-

скость, что неволью замираешь в восторге. Зная его биографию, можно удивляться, что он работал кочегаром в Архангельском тралфлоте. Отслужил четыре года матросом Северного флота на эсминце «Острый». То есть, перефразируя известную песню Владимира Харитоновича и Давида Тухманова, он всегда находился там, где ребята толковые, где были плакаты «Вперёд», где песни рабочие новые пел советский народ.

А он, Рубцов, не пел, он пел про другое, про русскую душу среди церквей и равнин, про леса и цветы полевые. Он пел и о Руси Левитана «Над вечным покоем». Теперь, когда мы понимаем сообщающееся влияние ауры и «мыслящей» оболочки, никакой тайны в том нет. Тайна в другом — как могло случиться, что на русском Севере, в Архангельской области, статья Вагнера «Еврейство в музыке» стала основой для решения Вельского районного суда от 28.03.2012 о внесении её в федеральный список экстремистских материалов (№1204) и, естественно, её печать и распространение в Российской Федерации теперь преследуются по закону.

«Аргументы недели» представляют книги своего автора В.Т. Слипенчука

го не говорить». А когда Вагнер умер, Верди с грустью заметил: «Как грустно! Это имя оставило огромный след в истории искусства». Верди — великий итальянец, а Вагнер — великий немец. Один интернационален по духу, другой — национален.

Леонид Мерзликин и Николай Рубцов — русские. Один — сибиряк. Другой — вологжанин. Оба русские советские поэты. Сибиряки по своей природе более интернациональны. А Вологда — это русский Север. После окончания Высших литературных курсов меня направили в Новгород на усиление Новгородской писательской организации. Две вещи бросились мне в глаза: материальная бедность, почти нищенство новгородцев в сравнении с Сибирью.

И в сравнении с Сибирью — обилие церквей. Их много, но глаза не устают. Напротив, душа отдыхает. Ты как бы в постоянном общении с небесами. Лучшие стихи Николая Рубцова несут в себе такую извечную рус-

пенчук родился на Алтае, в городе Рубцовске. Да, есть такой город.

Мне очень приятно слышать, что Миша замечательный и интересный человек. Я и сам так думаю и вполне искренне. Мне понятны люди цели, которые желают добро обществу, в котором живут. И хотя понимаю, что моё признание даст основание считать, что всё-таки на женских плечах, как на плечах атланта, держится мир, говорю как есть — в воспитании сына и дочери моё участие относительное. В основном воспитывала жена: соратник, товарищ, друг. Она расскажет, как воспитывала: на одной руке дочь, как и вас, звать — Наташа, а за другую руку держится и бежит, едва поспевая, сын Миша. Они бегут в детсад. Ей самой ещё надо успеть на работу. И так каждый день. А помочь некому, на Алтае родственников не было, и сейчас нет, всё надо было делать ей самой.

Помню, пришёл из морей, примчался в Барнаул, а ей вместе с дочкой надо срочно ложиться в больницу. Сын маленький — на продлёнке, а дочь ещё меньше, чуть больше годика — аппендицит. Развёз всех на такси. Охалкой внёс одежды в квартиру, бросил на пол, а когда вновь посмотрел, комок подкатил к горлу — ну не так я живу. Нет, не так. Никому нет радости от моего способа жизни. Потом прошло, решил, что Господь Бог превратил меня тогда.

Конечно, были письма, радиogramмы — находимся здесь, идём туда. Находка — Невельск — Петропавловск-Камчатский — Анадырь — Командорские острова — острова Королевы Шарлотты. А теперь мы в районе Гавайев, а теперь в Сингапуре. А сын сидит за картой мира, вычерчивает маршруты. И как видите, стал географом, и не простым, а самым настоящим путешественником.

В общем, жил, как блуждающая планета, а они за мной наблюдали как бы через телескоп Хаббл. Где я, что я?!

И с внуками всё повторяется, только по-другому. Жена говорит, что из меня воспитатель хороший, но дилетант. Вот если бы она родила мне 6–7 детей, как получилось у наших родителей, то тогда другое дело. Но в наше время смело рожать много детей могли позволить себе только семьи крупных партийных деятелей, а мы опасались. Но и они не рожали, а рождали партийных бюрократов — мал мала меньше. Так что о воспитании вы Галину Михайловну спрашивайте. А я, раз у вас такая поэтическая фамилия, закончу тем, с чего начал. То есть строчками из стихотворения «Русский огонёк».

*— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью.*

Виктор СЛИПЕНЧУК
Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru